

ОТТЕПЕЛЬ

Ирина Муравьева

ОТТЕПЕЛЬ

Льдинкою растаю на губах

РОМАН

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 91

Художественное оформление серии *А. Старикова*

Выражаем благодарность кинокомпании
ООО «Мармот-Фильм» и лично Валерию Тодоровскому
и Дмитрию Давиденко за предоставленный сценарий
и кадры из телесериала «Оттепель»

Муравьева, Ирина.

М 91 Оттепель. Лыдинкою растаю на губах : роман / Ирина
Муравьева. — Москва : Эксмо, 2014. — 288 с. — (Отте-
пель. Кинороман).

ISBN 978-5-699-75665-0

Москва, 1961 год. В руки Виктору Хрусталеву, талантливому оператору с «Мосфильма», попадает сценарий его погибшего друга. Виктор уверен, что это шедевр, который обязательно должны увидеть зрители. Вместе с молодым режиссером Егором Мячиным они принимаются за работу. Но ведь это кино! Здесь нельзя без порыва, страсти и... любви. Волей судьбы Виктор и Егор влюбляются в одну и ту же девушку, милую и робкую Марьяну.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Муравьева И., 2014
© ООО «Мармот-Фильм», сценарий, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75665-0

Глава 1

Лариса начала плакать ровно в полночь. Он случайно посмотрел на часы — как раз в эту минуту она начала лить слезы. Сейчас почти пять, а она все рыдает. Ему нелегко давались разрывы с женщинами, потому что он не переносил слез. А женщины плакали. Все, кроме Инги. Но Инга — не женщина, Инга — жена с железным характером. Они расстались восемь лет назад, но ему до сих пор становилось обидно и гадко, когда их развод вспоминался в подробностях. И то, как хотелось ей мстить, мстить и мстить. За эту измену, за этого цуцика. Спала с ним в квартире какого-то парня, который работал не то в Занзибаре, не то в Сингапуре.

— Послушай, а ты разве не изменял? — спросила она, когда все это выплыло.

Да, он изменял. Но ведь он же мужчина. А все мужики полигамны. Доказано. Сейчас, правда, речь не об Инге. Об этой совсем посторонней, чужой ему женщине, которая плачет почти пять часов. И что-то она говорит, говорит... Зачем го-

ворить, когда все решено? Хрусталеv давно определил для себя те черты, которые он не выносил в женщинах, как только у него пропадало физическое желание. Он не выносил настойчивости, глупых разговоров, пошлой философии по поводу жизни и чтения стихов. Сейчас ему, кажется, придется заново пройти именно через то, от чего его сразу начинает мутить.

— Послушай! — шелестела она сквозь слезы. — Хочешь, я расскажу тебе одну историю? Одну очень забавную и простую историю? Не хочешь? Но ты все же послушай: жила-была одна девочка, и все думали, что она очень счастлива. И знаешь почему?

— Нет, — сказал он и закурил. — Не знаю.

— Не знаешь? — вскрикнула она. — Все думали, что она счастлива, потому что во всем дворе только у нее были красные туфельки. Да! Красные туфельки в черный горошек!

Он встал и подошел к зеркалу. В зеркале он увидел себя и постороннюю женщину, которая, плача, размазывала тушь по лицу.

— Я вот думаю, — опять заговорила она, — вот если бы я была обезьянкой, маленькой смешной обезьянкой, неужели ты бы бросил меня? Ведь разве можно взять и бросить привязавшуюся к тебе обезьянку?

— У меня никогда не было обезьян, — пробормотал он, стряхивая пепел.

Она вдруг схватила со стола будильник и запустила ему в голову. Он увернулся, и будильник с визгом и стоном шмякнулся о стену. Хрусталеv направился к двери, но Лариса неожиданно бросилась к его ногам, обхватила их и зарыдала так громко, что ему стало не по себе. Ну, что теперь делать с ней? Это истерика. Не «Скорую» же вызывать, черт возьми!

— Я тебя очень прошу! Я прошу тебя! Ну, не бросай меня! Пожалуйста! Ты только пойми, я умру без тебя! Я сразу умру!

— Перестань, а? Ну, хватит.

— Обещаю тебе, что не оставлю никаких предсмертных записок! Ни строчечки! Ты будешь абсолютно чист! Ты будешь чист, а меня не будет. Ведь это же именно то, что ты хочешь!

— Лариса, прости. Я тебя не люблю.

Она побледнела так сильно, что Хрусталеvu чуть было не стало жаль ее, но он подавил эту жалость. Пусть только уйдет поскорее. Уйдет. Она широко раскрыла глаза и так, с широко раскрытыми глазами, разжала руки, отпустила его колени и медленно встала с пола.

— Ты прав, — пробормотала она, не спуская с него этих широко раскрытых глаз. — Ты прав.

Это унизительно. Все, что я говорю тебе, все, что я делаю. Это унизительно. Ты прости меня.

— «Унизительно» здесь ни при чем. Нам было хорошо вместе. А сейчас... сейчас настало другое время.

— А, да! Да, конечно! — вскрикнула она и тут же зажала рот ладонью, перешла на шепот. — Тогда ты свари мне, пожалуйста, кофе. В самый последний раз. Можешь ты сварить мне кофе?

Она делает все, чтобы протянуть время. Только бы не уходить.

— Хорошо. Я сварю тебе кофе.

— Свари. И дай мне сигарету.

Чувствуя, как внутри поднимается мелкая холодная дрожь, он молча достал из письменного стола новую пачку и протянул ей. Она закурила и, отвернувшись от него, так что теперь он видел только ее длинную шею и часть очень бледной щеки, сильно, по-мужски затянулась, пристально глядя в окно. Пока он возился с кофе, она молчала, и ему становится невмоготу от этого молчания и звука ее дыхания, в котором опять угадывались подступающие слезы.

— Тебе в большую чашку? — спросил он, и тут она опять начала плакать.

Она уже не рыдала, а плакала молча, и слезы текли по ее лицу так же обильно и равнодушно,

как струи дождя стекают по поверхности дерева. Он старался не смотреть на нее и аккуратно переливал кофе из джезвы в чашку. Несколько капель упали на стол, и он сердито вытер их краем ладони.

— «По улице моей который год звучат шаги...» — зашептала она, но он перебил ее:

— Умоляю тебя, только не стихи!

— Не хочешь стихов? Почему? Ведь красиво.

«Хочу одного, — думал он. — Уходи. Возьми свою сумочку и убирайся».

— А хочешь, — дымчатые глаза ее вдруг высохли и заблестели, — хочешь, я сейчас разденусь и голой выйду на улицу?

— Зачем? — усмехнулся он. — Не горячись. Ведь скоро трамваи пойдут. Неудобно.

Она стремительно расстегнула блузку, сняла лифчик, трусики, высоко заколола волосы, словно и они показались ей частью ненужной одежды, схватила сигаретную пачку, спички, и, гордо пройдя мимо него, открыла входную дверь и захлопнула ее за собой. Ушла, наконец. Но, конечно, вернется. Хотя, может быть, заберут в отделение. Дождешься тут! Спит еще наша милиция. И видит красивые добрые сны. Не справившись с собой, он все-таки выглянул в окно. Она спокойно сидела на лавочке, абсолютно голая,

скульптурно-изящная, и курила. Солнце недоверчиво смотрело на голую женщину и, скользя по разным частям ее тела, пыталось убедиться, что она — настоящая. Из соседнего подъезда вышел включенный, видимо, только что проснувшийся парень в расстегнутой летней куртке и парусиновых туфлях. Он сделал несколько шагов и остановился как вкопанный. Нежное белокожее видение с ярко-розовыми сосками и темным внизу живота сидело, дымя сигаретой, на лавочке. Парень сделал шаг и снова остановился. Ясно было, что ему хочется то ли заорать, то ли спрятаться обратно в подъезд, то ли рискнуть и подойти поближе, дотронуться до белокожего чуда. Он прошел мимо Ларисы, но она не обратила на него никакого внимания, словно и впрямь не заметила. Семеня своими парусиновыми туфлями и став меньше ростом, парень почти побежал к трамвайной остановке, но несколько раз оглянулся на голую, и страх на простом и курносом лице сменился, в конце концов, восхищением.

Она докурила, погасила сигарету о спинку лавочки и отбросила окурок. Вынула шпильку, и волосы, вспыхнув от солнца, закрыли ей шею. Хрусталеv отошел от окна. Сейчас она вернется сюда, и вся эта мука начнется сначала. Ну да. Так и есть. Она уже в кухне и даже не плачет.

— А ты и не верил? — наигранно-весело заговорила она. — Сознайся, что не верил! Иначе ты бы ведь остановил меня? Что молчишь? Неужели не остановил бы? Ну ладно, неважно! А я была бы отличной собакой. Если бы ты только захотел, я была бы для тебя самой умной, самой верной, самой тихой в мире собакой. Не хочешь? Ты даже и этого не хочешь? Ты, наверное, хочешь, чтобы я оделась? Хорошо. С удовольствием. Вот, видишь, блузочку я уже застегнула. А где мои трусики? Вот мои трусики. А ты все молчишь? Тогда я расскажу тебе, как я бы ждала тебя, если бы ты меня не бросил. Хрустале! Я бы тебя ждала! Знаешь, что это такое, когда кто-нибудь кого-нибудь ждет? Вот ты заоченел, потому что на улице зима, ты продрог, тебя измучили на работе, но ты приходишь домой, а дома тепло и вкусно пахнет... Пахнет твоим домом. Где я тебя жду. И от меня тоже пахнет твоим домом. Мной пахнет. Ты ведь сказал однажды, что тебе нравится мой запах...

— Лариса, — он сморщился и перебил: — Вот кофе. Ты с сахаром будешь?

Она захохотала и замахала на него руками.

— Что я такого сказал?

— Ох, что ты сказал! — Она задохнулась от хохота. — Ты спросил, с сахаром ли я пью кофе

или без сахара? Миленкий мой, родной мой! Мы были вместе четыре месяца! Мы спали с тобой четыре месяца! Ты знаешь мое тело лучше, чем я сама его знаю! И теперь ты спрашиваешь, с сахаром или без сахара я пью этот чертов кофе! Да я же убью тебя, сволочь! Возьму и убью!

Он не успел остановить ее. Гибким кошачьим движением, вся выгнувшись, она прыгнула на него и вцепилась обеими руками в его волосы. Хрусталеv заломил ей руки за спину и молча поволок ее к двери.

— Я к ведьме пойду! Слышишь? К ведьме! Я знаю одну! Все к ней ходят! Она тебя импотентом сделает! Ха-ха-ха! Представляешь, Хрусталеv? Вокруг столько женщин, а ты импотент!

Он открыл дверь и вытолкнул ее на лестницу. Сейчас она начнет ломиться обратно. Нужно включить радио, чтобы не слышать ее воплей. Она начала ломиться обратно прежде, чем он успел сообразить, что вокруг люди, и все они сейчас проснутя от ее криков, и никакое радио не поможет.

— Открой мне! Открой! — умоляла она. — Открой, я прошу! Ну, не босиком же мне идти! Я забыла туфли!

Туфли она действительно забыла. Вот они, ее туфли. Смирно стоят у тахты, как побитые, и ждут ее. Сумочка рядом.

— Любимый мой! Милый! Открой! На секунду! Ведь я же люблю тебя! Слышишь? Люблю!

От этого слова у него всегда начинало стучать в правом виске. Он медленно потер там, где стучало, и поднял с пола туфли.

— Я не успела сказать тебе самого главного! Я беременна! Витя! Я жду ребенка! Нашего ребенка!

Все врет. Не ждет она никакого ребенка, месячные только закончились.

— Врешь, — сказал он в сторону двери.

— Да, вру! Но тогда объясни мне, в чем, где и когда я ошиблась? Должна же быть все же причина! Ты слышишь?

Он открыл дверь и протянул ей туфли и сумочку.

— Ах так! Даже разговаривать со мной не хочешь! Два слова! Только объяснить мне, только чтобы я поняла...

Она изо всей силы размахнулась сумочкой, но он увернулся, как тогда, от будильника, оттолкнул ее и захлопнул дверь изнутри. Она продолжала кричать, и к ее голосу присоединились другие голоса, — значит, она умудрилась разбудить соседей не только на этом этаже, но и наверху, и внизу, и сейчас все это перерастет в настоящий скандал, ему будут звонить милиционеры, и точ-

но придется открыть. Он налил из бутылки вина прямо в чашку, опять закурил и залпом выпил. Налил еще. Лариса кричит. Все кричат. Ну, вот. Так и знал: уже воеет сирена.

У милиционера, который первым переступил порог, было хмурое небритое лицо, второй — совсем мальчишка. Хмурый приложил руку к козырьку.

— Сержант Погодин. Почему вы жену из квартиры выгнали?

— Она мне не жена.

— Все равно. Паспорт предъявите, пожалуйста.

Изучение паспорта заняло минуты три, не меньше.

— Жена — не жена, а все-таки по-человечески надо, — без особой уверенности сказал, наконец, милиционер. — Вы какие примеры подаете...

Он оглянулся на своего напарника. Детское лицо у того ярко порозовело.

— Пройдемте, гражданка, — сказал хмурый милиционер Ларисе. — С утра весь подъезд взбаламутили. Так тоже нельзя.

Она посмотрела на Хрусталева. Теперь он знал, что видит ее в последний раз. Она уйдет. Уйдет и никогда не вернется. Он победил, но в этой победе было что-то постыдное. Да и вся

его жизнь после развода была постыдной. Он знакомился с женщинами где угодно: в Доме кино, в поликлинике, в лифте. Квартира, которую он снимал, была в двух шагах от «Мосфильма». Женщины подчинялись ему, словно он их гипнотизировал. И первые две-три недели все было хорошо. А может быть, просто казалось. Хрусталеv честно пытался не то чтобы полюбить, — он знал, что полюбить не удастся, — но хотя бы привязаться. Даже и этого не получалось. Хотя все они были красивыми или очень красивыми. Лариса была, например, очень красивой и сложена как богиня. Он во всех подробностях помнил, как они познакомились. В гостях у Юматова. Муза, жена Жоры Юматова, была помещана на вечеринках. Стол у них всегда ломился. К приходу гостей домработница пекла и парила, а черной икры, балыка, сервелата было столько, словно они собирались принять у себя целую армию. Лариса пришла с мужем. Хрусталеv обратил внимание на ее светло-серые глаза, обведенные усталыми золотистыми тенями, словно она не спала несколько ночей подряд. Губы ее были ярко-красными и вкусно блестели. Разговаривая с кем-то из гостей, она нервно покусывала их, и, когда было пора садиться за стол, на этих красивых и полных губах почти не осталось краски.